

18+

Влад Костромин

Шпулечник

Влад Костромин Шпулечник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48479671
ISBN 9785005068088*

Аннотация

Роман, развившийся из рассказа конкурса «Фантазмы и протуберанцы» (конкурса «Вирда»), проводившегося сайтом «Квазар» в апреле – мае 2019 года. В финальный сборник рассказ не вошел, но послужил основой романа.

Содержание

I	5
II	25
III	50
IV	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Шпулечник

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2020

ISBN 978-5-0050-6808-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Вечером мать сидела и гадала на кофейной гуще. Кофе родители из экономии не покупали, так она собирала гущу из чашек коллег по работе и приносила домой. Долго хмурилась, вглядываясь в узоры гущи.

– Что-то нехорошее выходит, – хмуро сказала наконец и посмотрела на нас с братом. – Что-то плохое скоро случится.

– Тань, батя мой помер, – сообщил пришедший с работы отец.

– Ох ты ж, Господи! – всплеснула руками мать. – Как же так?

– А вот так. Вдруг, как говорится, как гром среди ясного снега, взял и помер.

– Вот, Вить, а я же как раз перед твоим приходом детям сказала, что что-то случится.

– Опять твоя интуиция?

– Нет, кофейная гуща показала.

– Да сказки это все, – отмахнулся отец, – и буржуазные суеверия пополам с предрассудками. Наука кофейную гущу отвергает, допуская если только как удобрение, и то, не для всех растений.

– На похороны ехать надо? – осторожно спросила мать.

– Это несомненно, – кивнул и подтянул сковородку с жа-

реной картошкой. – Без этого ныне никуда, – начал мощными движениями, будто кочегар уголь в топку, закидывать ложкой картошку в рот.

– А детей куда?

– С нами поедут. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней: дедушку проводят в последний путь и так, в целом, поедят на поминках.

– Тоже верно, – кивнула мать, – какая-никакая, а все экономя.

– Я про то же. Мамка обычно на поминки колбасу вкусную делает, – отодвинул опустошенную сковороду. – Ехать надо, вдруг обломится чего.

– Что там может обломиться? – скептически подняла брови мать.

– Дом на батю был записан.

– Неожиданно.

– Но приятно.

– Все равно, полгода ждать. И бабуку куда-то девать надо.

– Мамка много места не займет, да и пенсия у нее хорошая должна быть. Лишь бы Нинка ненужный сыр-бор не начала.

Тетя Нина Севкина была старшей сестрой отца. Она с дочкой Марусей жила в городе, в общежитии карандашной фабрики, с общей чадной кухней, где было не пройти от изрезанных столов и колченогих стульев, и одним туалетом и умывальником на весь этаж. У них было две с половиной комнаты. То есть их комната и комната покойного му-

жа – Васи, с которым тетя Нина разошлась. Комнаты были расположены напротив друг друга, в конце коридора, поэтому они выгородили пространство между комнат и поставили дверь. Там стол обеденный и холодильник, типа импровизированной столовой. Почему-то это помещение они называли «курхуютником». А перед входной дверью, с внешней стороны коридора, стоял большой и тяжелый деревянный ящик с двумя навесными замками для хранения картошки.

– Нинка жадная, – нахмурилась мать, – с говном не расстанется. Привыкла за свою гипертонию прятаться, клуша.

– Если бы просто пряталась, а то какая-то воинствующая гипертоничка, того и гляди, до крестового похода дойдет.

– И астма у ней, – пожевала губами мать.

– И неистовая астматичка, – кивнул отец.

– Будете мало работать, – посмотрела на нас мать, – тоже станете гипертониками.

– И астматиками, – добавил отец.

– Верно.

– А вообще, мамка со скумбрией пирог умеет готовить вкусный.

– Витя, не выдумывай, на похороны со скумбрией пироги сроду не делали.

– У вас может и не делали, а у нас делали. Когда тетю Клаву хоронили, такие пироги в печке сделали, что пальчики оближешь.

– У нас была тетка? – заинтересовался брат.

– Была, только тетка мне, а вам бабушка. Ее убил Шп...

– Вить, хватит! – прервала мать. – Никто ее не убивал!

– Она была слегка слабоумной, так нормальной, но не в себе. Сроду ничем не болела, все береглась. А тут пришли, а у нее осколком стекла от банки из-под вишневого компота сонная артерия перерезана. Что скажешь?

– Все знают, что она открывала банку и случайно порезалась насмерть.

– Нет, не случайно. Это Шп...

– Витя!!! Смени тему!!!

– Хорошо. Скумбрию хорошо в стеклянной банке, с лучком и подсолнечным маслом, – отец облизнулся, – и еще зерен горчицы посыпать – вообще объедение. Вы не подумайте, – отец погладил Димку по голове, – что у вас родители скотины бесчувственные: дед умер, а мы сидим и меню поминок обсуждаем.

– Мы не думаем, – буркнул Димка.

– Молодцы. Просто человек так устроен, что горе похорон надо заесть на поминках. Физиология такая.

– Понятно, – кивнул Димка.

Дедушку мы знали мало, поэтому его смерть нас с Димкой мало тронула.

– Ничего, зато на похоронах брюхо набьем, – перед сном сказал Димка. – Заедем горе похорон.

Димка был с рождения зашуганным. Сначала врачи подозревали у него менингит, потом кучу болезней, потом за вос-

питание плотно взялась мать. После всего этого было не удивительно, что он боялся незнакомых людей и часто прятался под стол в прихожей, подслушивая разговоры матери с подругами. Благо, что скатерть, украденная отцом в столовой на прежней работе, свисала почти до пола, надежно скрывая Димку от чужих взглядов. Потом он вообще взял привычку внезапно выскакивать из-под стола или проползать под стульями, пугая разговаривающих.

Единственный его друг Коля Мартынец по кличке Чомба тоже был пареньком со странностями. Познакомились они тогда, когда Димка, одетый в кепку с накладными кудрями, гулял по саду. После того, как Чомба притащил из дома сала, они подружились.

– Угу, – согласился я.

В Толмачовку выехали рано утром – едва рассвело. Мать тихо бурчала; отец молча кивал и курил; брат досыпал, едва слышно сопя и время от времени жалобно вскрикивая; я смотрел в окно на зарождающееся утро. Дорога заняла почти три часа.

Бабушка строго посмотрела на нас с Димкой, а потом, смягчившись лицом, обняла.

– Осиротели мы, – отец скорбно снял коричневую шляпу и прижал ее к груди. – Одни мы теперь в этом мире бушующем. Где тело? – сменил скорбный тон на деловой.

– Вить, гроб в зале.

– Тань, дети, – распорядился отец, подталкивая нас к до-
му, – заходим и прощаемся, пока никто не набежал.

Мы вслед за матерью робко вошли в дом. Из дощатых сеней дверь вела в тесную кухню со старой газовой плитой и разбитым на геометрический орнамент частой деревянной решеткой окном, выходящим на ворота. Если идти из кухни прямо, то можно было попасть в «летнюю комнату»: две сходящиеся углом стены, с такими же витражными окнами по всей длине, две кровати с панцирными сетками и большой сундук. Слева – выход на второе крыльцо. Справа, между кухней и «летней комнатой» – дверь в дом. Сразу за ней «прихожая» – комната с газовым котлом в небольшом закутке и маленьким подслеповатым окошком, выходящим в какой-то пристроенный к дому курятник. Пройдя по прихожей, через дверной проем слева можно было попасть в зал.

– Разуитесь, дикари! – прошипела в кухне мать.

– Тань, не выдумывай, – бабушка устало махнула рукой, – все равно натопчут сейчас.

– Порядок должен быть, – отозвалась мать. – Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят.

Мы разулись и босыми вошли в дом.

– Тань, что дети у вас без носков? – удивилась бабушка.

– Сонные собирались, забыли одеть, – ловко вывернулась мать.

На самом деле, носков из экономии родители нам не да-

вали. Уйдя от щекотливой темы, мать шагнула за нами и, обняв, довела до зала. Залом называлась длинная комната, тянущаяся почти по всему дому: справа и с торца были окна; слева – две завешанные комнаты: одна, которая к торцу дома, с окном; другая – «темная».

Дедушка лежал в гробу как живой.

– А ему удобно? – прошептал Дима.

– Ляжешь, узнаешь, – мать отвесила оплеуху. – Не трепи языком. Ближе подойдите и поцелуйте.

Мы послушно подошли и замерли перед гробом, не зная, куда целовать.

– В лоб целуйте, – шипела мать.

Мешая друг другу, наперегонки кинулись к голове деда.

– Не толкайтесь! Сначала Вася, потом Дима.

Поочередно поцеловали холодный липкий лоб. В зал вошел отец, подошел к гробу.

– Здравствуй, батя, – поцеловал меня в лоб и вышел.

– Мам, завтрак будет? – услышали мы. – Дети не завтракали, сюда спешили.

Завтракали в кухне: на покрытом старенькой клеенкой столе теснилась сковородка с яичницей, которой сразу завладел отец; тарелки с солеными огурцами и помидорами, квашеной капустой. На доске лежало порезанное сало и разрезанные на четыре части крупные луковицы. Отец торжественно налил себе, бабушке и матери в мутные рюмки, подумав, плеснул и нам с Димкой.

– Помянем батю минутой молчания, – объявил, схватив рюмку и воздевая себя с табуретки.

Все встали и помолчали. Я смотрел на стоящий на узеньком подоконнике грязный стакан полный мертвых пчел.

– Минуту молчания прошу считать оконченной, – отец одним махом выпил рюмку.

Я попробовал – водка оказалась горькой и противной. Дима закашлялся и мать постучала ему по спине кулаком. Мы сели и стали есть, пытаюсь угнаться за отцом. Куда там! Он лихорадочно допил бутылку и сметелив все съестное, закурил.

– Хоронить батю где будем?

– В Кузькино, рядом с дядькой Шуриком есть место, – бабушка приложила платок к сухим глазам.

– Хороший выбор, – покивал отец, глядя сквозь засиженное мухами стекло на двор. – Место живописное, березы и клены, и трасса рядом. Когда будем проезжать в город, то будем сигналить. Удобно: никто не забыт и, как говорится, ничто не забыто.

Вскоре начали собираться люди. Приехала тетя Нина с дочкой Марусей – моей ровесницей. Они напоминали двух крыс, жадно водящих носами по сторонам – не перепадет ли чего? Нас с Марусей отправили во двор, чтобы не путались под ногами, а взрослые входили и выходили из дома: соседи, дальние родственники, кто-то еще.

– Маруська, ты падла, – сказал Дима.

– Заткнись, ушлепок, – отрезала сестра, наловчившаяся в своем общежитии. – Ты немец Лохни, а по-русски просто лох.

– Не ругайтесь, – попросил я.

– А чего он?

– А чего она?

– Да помолчите вы!

– Вася, ты тоже падла, – Димка обиделся и отошел дразнить через забор привязанного в саду коня Воронка.

– Вам из наследства ничего не достанется, – заявила Маруся, с вызовом глядя на меня. – Моя мамка старше дяди Вити, поэтому все ей будет.

– Что все? – наследство меня мало волновало.

– Все: дом, конь, Жучка.

– Жучка злая, она нам и даром не нужна. У нас своих собак полно, кормить нечем.

Жучка посмотрела на нас, будто поняв. Она была настолько злобной, что вместо ошейника была прикована к кольцу, продетому сквозь ляжку. Но все равно, рвалась к людям, не смотря на боль.

– Конь жрет много, – ввернул внимательно подслушивающий Дима.

– Ну и ладно, – надулась Маруся, – нам больше будет. Нам наследство важнее: это вы жируете, а мы на комбижире живем.

– Ничего мы не жируем, – возразил я.

– А вот у нас машины нет! Но ничего, продадим дом какому-нибудь богатею под дачу – купим.

– Где бабушка будет жить, если вы дом заберете? – спросил я.

– В дом престарелых сдадим, но не сейчас, а потом, когда состарится.

– Мы ее к себе заберем, – сказал я. Бабушка была хорошая – добрая.

– И забирайте.

– Она ест много, – пробурчал Димка.

– Зато бабушка травы разные знает, – сказал я, – и съедобные тоже... И еще она пенсию получает.

– Тогда ладно, – кивнул брат.

– Стопэ! – выкрикнула Маруся. – Пенсия нам самим нужна.

– Фиг вам, а не пенсия! – Дима сложил дулю и показал сестре. – Перетопчетесь.

– Вы бы могли яблоками торговать, с таким садом, а вы по наследствам побираетесь!

– Сами решим, – отрезал Димка, – без тебя, падла городская!

– Заткнись, пирожок с говном! Ты сам пирожок с говном и друг твой, Чомба, пирожок с говном.

Из дома вынесли гроб и поставили на табуретки за воротами – прощаться. На кладбище нас не взяли, оставив на приглядку соседкам, готовящим поминки, и обрадованный Ди-

ма начал искать в доме холодильник, чтобы украсть что-нибудь съедобное. Холодильника у бабушки не было. Я как лиса ходил вокруг мастерской дедушки. Не выдержав, оттянул дверь, прощেমился внутрь. Залез на верстак и наблюдал за двором в маленькое окошко. Во двор вышли покурить две соседки и стали возле мастерской – я случайно услышал кусок тихого разговора.

– Говорят, что из-за какой-то молодой дочки «дачников» повесился.

– Слушай больше, еще и не такое наплетут.

– А перед этим ему везде мерещились змеи... Другим черти мерещатся по пьяни, а этому вишь, змеи.

– Дед Володя не пил.

– Ты откуда знаешь? Ты же свечку не держала. Может и кирял тайком.

– Все может быть, прости Господи, – соседка перекрестилась.

– Говорят, в этой хате когда-то уже мужик удавился.

– Ох, грехи наши тяжкие.

Что-то жующий Дима вышел во двор и, воровато оглянувшись, юркнул в один из сараев. Заинтересовавшись, я выбрался из мастерской и прокрался за братом. Он стоял возле куриного гнезда, сделанного в деревянном ящике под плакатом с устрашающей тифозной вошью, призывающим к борьбе с тифом, и довольный ел яйца. Забившаяся в угол серая курица с ужасом наблюдала за пиршествom. Он пожирал яй-

ца, а мне будто послышался душераздирающий писк нерожденных цыплят.

– Вот, гляди, – гордо показал мне, – пятнадцать яиц было.

– Ты совсем дурак? – я покрутил пальцем у виска.

– А что?

– Это наседка! Ты кладку сожрал, желудок!

– Я не знал, – брат скуксился. – Думал, снесла...

– Баран!

– Подумаешь, наседка, – брат презрительно сплюнул в курицу яичной скорлупой. – Будешь квохтать, и тебе шею сверну – в суп пойдешь. Помнишь, – посмотрел на меня, – как баять пел? Была уха из петуха и заливные потроха. Потом поймали жениха и долго били его ногами.

– Помню. Пошли отсюда, а то влетит за гнездо.

– Погоди, тут два яйца осталось. Я доем. Или может ты хочешь? – протянул мне.

– Они же с зародышами!

– И что? Зародыши полезные, я сам по телевизору видел, хи-хи-хи, – мелко хихикая, доел яйца и растоптал скорлупу. – Теперь пошли, а то поминки пропустим.

Вышли из сарая, будто ничего не случилось, и с невинным видом стали смотреть на Воронка. Взрослые вернулись с кладбища и пошли поминать. В зале стоял составленный из столов П-образный стол, накрытый цветными половиками. Мы – дети, сидели с краю одной из «ножек» П, поближе к двери в кухню. Димка все время норовил что-нибудь ста-

щить с тарелки Маруси, а заодно засовывал в карманы старого отцовского пиджака, который болтался на нем как пальто, и в холщовые сумки, предусмотрительно привязанные под пиджаком.

Мне приспичило в туалет и я тихонько выбрался из-за стола. Вышел в сени и вдруг почувствовал укол в ногу. Перед глазами все поплыло, ноги стали будто жидкими и, не выдержав тяжести тела, подкосились. Я рухнул на пол, смутно увидев сквозь затянувшую глаза пелену, уползающую толстую пеструю змею. Тело скрутила судорога, словно нечаянно коснулся штыря вилки, которую вставлял в розетку, и я потерял сознание.

Очнулся внезапно, вскочил, наступил на рассыпавшуюся из опрокинутой плетухи картошку и грохнулся на пол. Лежал, глядя на торчащие из досок острия гвоздей. Получается, никакой змеи не было: укололся о гвоздь, а у страха глаза велики, как сказала бабушка. Странно, что острия торчат, но мало ли: может, доски от жары разошлись или фундамент перекошило, вот и вылезли. Я рассмеялся и, упершись руками, отжался от пола, собираясь вскочить. И застыл... Острия извиваясь как черви, медленно втянулись в пол.

«Неужели померещилось?» – идя к туалету, думал я. – «Наслушался вчера соседок, вот и привиделась какая-то чушь. Ладно, змея – почему бы ей не жить в деревенском доме где-нибудь под полом? Но вылезающие из пола гвозди – явный бред. Такого быть не может, потому что не может

быть». Облегчившись, сполоснул руки под жестяным умывальником и вернулся за стол.

После того как выпили три раза, соседки поставили перед всеми стаканы с киселем, накрыв их пирожками с рисом. Димка ловко зацепил Марусин пирожок и сунул в карман. Когда соседи и дальние родственники выпив кисель ушли, вспыхнул скандал между отцом и тетей Ниной, едва не дошедший до драки.

– Рябой слизень! – кричала тетя Нина.

– А ты выдра пергидролевая и толстая выхухоль, – не остался в долгу отец. – Да подавись ты!

– Уступи, я все-таки гипертоник.

– И что?

– Астматик я.

– Не могу, извиняйте.

– На гипертоника руку поднял! Люди, смотрите, астматика убивают! – заверещала Севкина.

– Дети, мы уезжаем, – вскочил из-за стола, будто случайно прихватив две недопитых бутылки водки и неоткрытую банку фрикаделек, стоявшую на подоконнике, – нас здесь не поняли. А-а-а-а! Разойдись, убью! – с истошным воплем пулей вылетел из дома.

Димка, похожий из-за раздувшегося пиджака на жирного пингвина, кинулся следом. Я неохотно потащился за ними. Следом выскочили Севкины, поливая нас ругательствами. Димка набрал сухих каштанов Воронка и под визг Сев-

киных закидал их конским навозом, до слез рассмешив пьяного отца.

На обратном пути выяснилось, что Димка достойный сын отца – умудрился незаметно стащить висевший на заборе старый хомут Воронка и ящик, в котором было разгромленное гнездо.

– Что ты за хлам тащишь? – возмутилась мать.

– Ничего это не хлам, – обиделся Дима.

– А что это?

– В хозяйстве сгодится, – отцовскими словами отозвался брат.

– Сгодится? – глаза матери нехорошо сузились. – Зачем тебе старый хомут может сгодиться? На шее носить будешь, Ерема?

– Продадим кому-нибудь.

– Такое старье? Таких дураков, кроме вас с батей, в округе нет давно.

– Мы с Васей его мазью натрем – станет как новый.

– Между прочим, – пьяно кивнул отец, – дельная идея.

Весь в меня.

– Витя, ты бы лучше за дорогой следил, алкоголик. Ладно хомут – бог с ним, может, найдется дурак. Но ящик, ящик ты зачем тащил, садовая твоя голова? У нас своего хлама полно.

– В нем куры нестись будут.

– Да с чего ты взял?!

– В унитазае же несутся, – хитро улыбнулся брат.

– При чем здесь унитаз?

– Мы же унитаз украли – в нем несутся. Теперь ящик украли – и в нем будут нестись.

– За что мне такое наказание? – мать схватилась за голову. – Один дуб дубом – весь в батю, второй – рохля, даже гвоздя не упер. Все волокут: и жук, и жаба, только наш Васек из-за своей лени даже гвоздя не утянул. Димка мямлик мямликом, а все, вишь, хучь хлам, а все равно домой тянет.

– Вы же говорили, что у родителей воровать нельзя, – попытался оправдаться я.

– Правильно, – отец повернулся ко мне, – у родителей воровать нельзя.

– Грех это, – вставила мать. – Вить, следи за дорогой.

– Но бабушка вам не родитель, – отвернувшись, продолжил мысль отец, – значит, вам у нее воровать можно и даже нужно! Чем Дмитрий и воспользовался.

– А я еще и еды спер, – похвастался ободренный похвалой Дима.

– Весь в меня, – закивал отец.

– И вот еще, – Димка достал из кармана большой синий носовой платок в клетку.

– Где ты его взял? – поморщилась мать. – С покойника что ли?

– Мародерствовать нехорошо, – строго сказал отец.

– На веревке у соседей сушился, – потупился брат.

– У каких? – не унималась мать.

– Что со стороны сарая, за садом.

– Наш пострел везде поспел, – подмигнул в зеркало отец.

– В вашем возрасте уже пора баранов воровать, а вы волокете всякую чепуху!

– Баранов воровать надо уметь, – назидательно сказал отец. – Тут нужно быть юрким, как неуловимый Шпучечник, что бы все было, как с гуся опилки. Не зря говорится, не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов. Нашим тюхам-матюхам хотя бы курей для начала толком воровать научиться.

– И не говори, – мать тяжело вздохнула, – в кого они только такие уродились?

Всю дорогу чехвостила нас: Димку за то, что тащит всякую дрянь и меня – за бесхозяйственность. Отец же лишь пьяно хохотал, вспоминая испачканных навозом Севкиных.

– А почему опилки с гуся? – уже почти перед домом спросил Димка.

– Потому, сын мой, что чучела всегда набивают опилками и никак иначе. Шпучечник любит чучела делать, хлебом его не корми.

– А кто такой Шпучечник?

– Шпучечник фигура мрачная, – перестал хохотать отец и сразу помрачнел, – можно даже сказать зловещая. Я вам больше скажу: Шпучечником детей пугали в свое время. Это наш злой рок, наше родовое проклятие...

– Витя, не рассказывай всякие ужасы на ночь, – сказала

мать, – не нагоняй на детей жуть. А то им и так после похорон будут кошмары сниться.

– Кошмары? – отец задумчиво выдохнул сигаретный дым в лобовое стекло. – Я на похоронах брата был еще младше, чем они, а кошмары не снились.

– Ты просто толстокожий, как слон.

– У тебя был еще брат? – не утерпел я. Про младшего брата отца мы знали – он сейчас опять сидел в тюрьме. Первый раз отсидел за убийство, вышел, побывал у нас в гостях и сел за разбой. Но про второго слышали впервые.

– Был, – отец как-то странно посмотрел на нас в зеркало заднего вида, – старший, Володька. Его убили. Некоторые считают, что его как раз Шпулечник и убил.

– Вить, – голос матери дрожал от напряжения, – хватит городить ерунду. Не сочиняй сказки. Нашелся выдумщик.

– Ничего я не выдумываю. стакан с пчелами у бабки на подоконнике видела?

– Ну, видела, – пожала плечами. – И что?

– А то, что это Шпулечника работа.

– Какой-то бред сивой кобылы в лунную ночь. Тебя надо в дурку отправлять, пока ты не начал голым бегать по крышам на четвереньках и выть на Луну.

– Чего это я буду выть на Луну?

– А чего вы, психи, все на нее воете?

– Я откуда знаю? – пожал плечами.

– Вот и пора лечить, пока не знаешь. И прекрати курить

в машине, у нас вся одежда дымом провоняет.

– Хорошо, – отец выбросил окурок в окно и он горящим угольком пронесся мимо заднего стекла.

Мы молчали до самого дома. Машина остановилась перед воротами, мать ушла в дом, а я возился с засовом ворот.

– А зачем Шпулечник баранов ворует? – тихо спросил отца Димка.

– Затем, что ему надо свою жизненную массу поддерживать, а баранина вкусное и питательное мясо. На Кавказе от баранины и вина сплошные долгожители.

– Он ест, потому, что у него растущий организм? – брат вспомнил любимое отцовское оправдание бездонности желудка.

– Он ест потому, что не совсем живой...

Я открыл ворота – отец загнал машину во двор.

– Это как?

– Ты не поймешь, да и Танька запретила пугать.

– А почему Шпулечник?

– У викингов и германцев был миф о Норнах, богинях, плетущих нити человеческих судеб.

– А при чем тут Шпулечник?

– При том, что нити жизнью на себя наматывает, как на шпульку. Чеси спать, не забивай себе голову. Подрастешь, расскажу про Шпулечника.

Брат вылез из машины и пошел к дому, не услышав, как отец добавил:

– Если подрастешь...

II

– Новые времена – новые возможности, – похмельный отец постучал пальцем по столу, привлекая внимание. – Перестройка, ускорение, гласность, дали нам новые цели и методы, новое мышление. Это вам не старые хомуты с заборов тырить.

– Вить, ты прямо как Горбачев, – уважительно сказала мать, – тебе только пятна не хватает, а так, язык подвешен что твое ботало.

– Мастерства не пропьешь, – отец приосанился. – Так вот, про что я? Вам, дети, наше поколение вручает переходящее знамя.

– Какое? – заинтересовался Димка.

– Переходящее, – раздраженно сказала мать. – Что непонятного, балбес?

– А где оно?

Мать посмотрела на отца.

– Это метафора, – вздохнув, начал объяснять отец, – временами переходящая в гиперболу. Понятно?

Мы ни черта не поняли, но послушно закивали.

– Вот и ладушки, – отец кивнул. – Тань, подавай уху. Первейшее дело с похмелья – уха. Даже у классика было про брат с похмелья помирает – ухи просит.

Мы начали хлебать жидкую уху из рыбы и лаврового листа

с солью.

– Тань, ты рыбки то оставь, – сказал отец.

– Зачем?

– Вечером еще раз проварим, с морковочкой жареной, она за ночь застынет – заливное будет на неделю.

– Вить, может нам начать молиться перед едой?

– Тань, что за муха тебя укусила? К чему нам эта дурь?

– Мало ли... – смутилась мать.

После ухи мы с братом вышли во двор и сели на пни возле железного обода, служившего очагом.

– У нас новый метод, – сказал Димка.

– Угу.

– У нас новое мышление.

– Угу.

– У нас знамя!

– Переходящее, – поддакнул я.

– Мы должны использовать.

– Что использовать?

– Новый метод, новые возможности.

– Как?

– Я придумал, как, – брат хитро улыбнулся, из-за подбитого глаза став похожим на якута. Глаз пострадал от Сережки Рябого и Кольки Башкирина по кличке Башкир, поймавших Димку на мошенничестве при игре в карты. – Мы их всех обманем!

– Опять?

– В этот раз точно обманем!

– Как? – без особого интереса спросил я. Участвовать в отцовских и Димкиных авантюрах мне уже надоело: прибыли никакой, а неприятностей полный мешок.

– Мы наберем в магазине в долг.

– И что? Наберем, отдавать же потом все равно надо.

– Мы тетрадку сопрем, – прошептал брат.

У продавщицы Ирки была тетрадка, куда она записывала взятый в долг товар.

– Как сопрем?

– Молча, – глаза Димы блестели возбуждением. – Залезем ночью в магазин и сопрем!

Я задумался: магазин за последние полгода взламывали три раза, но украсть тетрадку с долговыми записями никто не додумался.

– Нам что, придется магазин взламывать?

– Да.

– Ты что, хочешь, чтобы меня посадили?

– Ты вечно так говоришь, – надулся брат. – Когда в детский сад лезли, тоже так ныл. И что? Не посадили же.

– Ты-то в детский сад сам не полез, нас с Чомбой отправил. Взял бы и залез, если такой умный. Все равно толку не было.

– Тебе не было, а мы добычу украли.

– Какую к черту добычу? Старый будильник и детские стулья? Стоило из-за этого мараться?

– Ты и этого не взял. Впустиу слазил.

– Потому, что вы меня с секундомером обманули.

– Значит, ты дурачок, если тебя так легко обмануть, –

Димка вскочил и начал приплясывать, напевая:

– Обманули дурачка на четыре кулачка.

Приставлял пальцы к носу, как Буратино в кино.

Пока он так плясал, из сада вышел Коля Мартынец по кличке Чомба и, подкравшись, вlepил Димке пендель.

– Ты чего?! – обиженно оглянулся Дима.

– Ничего, просто так, – Чомба уселся на пень, на котором недавно восседал Димка. – Здорово, ребзя. Что делаете?

– Ничего, – ответил я и посмотрел на забор, за которым был загон для свиней. – Вот, свиней сторожим.

– Зачем?

– Воровать их стали, – быстро начал сочинять Димка.

– Разве свиней воруют? – всполошился Чомба.

– Бате из района бумага секретная пришла... – поддержал выдумку брата я. Уж больно Чомба был легковёрный, грех было не разыграть.

– Цыгане, – закивал Димка. – Воруют и увозят на телегах.

– У нас свиньи в сарае, – пугливо оглянулся Чомба.

– Из сараев тоже воруют, – фантазировал брат. – В Пеклихлебах вообще целую ферму свиней украли.

– Ого! – глаза Чомбы расширились от удивления и начали часто моргать.

– Вот тебе и ого, – Дима важно посмотрел на друга. – Мы

тут в засаде сидим.

– А что вы можете с цыганами сделать?

– Не мы, – брат понизил голос, – в загоне батя с ружьем, переодетый в свинью.

– Я пойду, – Чомба вскочил с пня, – мамке скажу, чтобы замок на сарай повесила.

– Иди, – разрешил Димка, усаживаясь на освободившийся пень. – Еще один дурак, – зевнул брат, глядя вслед растворившемуся в саду приятелю. – Поверил.

– Какой сам, такие и друзья, – согласился я.

Димка подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Прихватил из дома сумку и пошел в магазин. Взял в долг три трехлитровых банки с концентрированным лимонадом. Мы его разводили водой и продавали детям помладше. Едва дотавив концентрат, снова жадно кинулся в магазин и взял пачку печенья, пять брикетов киселя, две буханки хлеба и зачерствевший батон. Он бы, возможно, прихватил и что-то еще, но в магазине больше ничего не было.

– Знатная добыча, – хвалился мне, расставив покупки на столе. – Ты бы не додумался.

– Угу, – я долбил батонном по столу, пытаюсь отломать кусок. Нож батон не брал.

– Целых две буханки и батон! – ликовал брат.

– Угу.

– Концентрата три банки!

– Угу.

К вечеру вся деревня, напуганная рассказами Аньки Мартынец, мамыши Чомбы, вешала замки на свинарники. Мать тоже велела загнать свиней на ночь в хлева.

– Тань, без паники, – отец пришел с работы выпивши.

– Свиней воруют, а ты без паники!

– Спокойствие! Я остановлю беззаконие.

– Какое ты беззаконие остановишь, чудо в перьях? Ты же лыка не вяжешь.

– Я повяжу преступников! – кинулся в кресло к телефону и начал тыкать в кнопки, набирая номер. – Зин, ты? Директор беспокоит. Мужика позови. Что значит какого? У тебя их много? Своего. Во. Никола, привет, это я, Вэ-Вэ. Микола, бросай все – будем свинокрадов ловить.

Вооружившись ружьем, одев бежевый югославский плащ и напялив украденную у профессора в Москве коричневую шляпу с воткнутым пером селезня, отец растворился в сумраке.

– Сумасшедший, – поплевала вслед мать. – Опять всей деревне не даст спать. А вы куда намылились?

– За заборами, – ответил я.

– Вы бы передых сделали, а то вся деревня из-за свинокрадов на ушах стоит. Еще поймают, да за свинокрадов в темноте примут и наваляют, как следует.

– Нас могут побить? – насторожился Димка.

– Побить полбеды, за свиней могут и убить, – обнадежила мать. – Вы осторожнее там.

Димка испуганно посмотрел на меня.

– Может, не пойдём?

– Ты сам эту кашу заварил, теперь расхлебывать надо.

– Продать сколько лимонада теперь можно.

– Денег столько у малышни нет, – остудил его радужные надежды.

– Все равно – сами пить будем.

– Дорого.

– Так бесплатно же.

– Ты еще книгу не спер.

– Почему я? – удивился Дима.

– А кто? Я что ли?

– Да, ты же старший, тебе и воровать.

– Ты хочешь, чтобы меня посадили?

– Чего тебя посадят? За тетрадку не посадят.

– Ну... – я задумался. Вроде, если подумать, то за тетрадку не посадят. Но, с другой стороны, в ней записаны долги половины деревни, а это деньги, – не знаю...

– Мы же воровать ничего не станем, там брать нечего, значит, кражи нет.

– Взлом все равно будет.

– Мы, если что, скажем, что там было взломано, а мы просто зашли... посмотреть...

– Угу, чтобы ничего не украли, – скептически усмехнулся

я. – так нам и поверят.

– Скажем, что от свинокрадов прятались.

– Ты сам себя слышишь?

– А что?

– От каких свинокрадов мы могли в магазине прятаться?

– Мало ли? – брат пожал плечами. – Они же вокруг.

Так, тихо переговариваясь, мы прошли почти до конца улицы, на которой стоял детский сад. Навстречу выскочила машина, ослепив светом внезапно вспыхнувших фар. Хлопнула дверца.

– Сдавайтесь!!! – завопил за светом знакомый голос. – Вы окружены!!!

– Вэ-Вэ, – послышался еще один знакомый голос – нашего соседа, Кольки Кобана, высокого добродушного увальня, сильного как бык. Он без трактора вытаскивал застрявшие в грязи легковые машины, – это дети.

– И что? Дети не могут воровать свиней?

– Это твои дети...

– Да? – навстречу шагнул отец с ружьем. – Вы чего тут спотыкаетесь, дармоеды?

– Мы... это... – сказал Димка.

– Что это?

– Там свинокрады, короче! – выпалил брат.

– Где?! – взревел отец.

– Возле дома Лукьянова.

– В машину!

Мы залезли сзади в УАЗ-ик.

– Ямщик, гони! – кричал отец.

Кобан гнал машину по улице. Перед домом ветврача Лукьянова затормозил. Отец выскочил и ломанулся во двор. Вышел через несколько минут обескураженный. Постоял в раздумье, залез в машину.

– Вэ-Вэ, у Лукьянова же свиньи нет, – сказал Кобан.

– Он мне сказал... – отец взгромоздился на сиденье и повернулся к нам. – Каких свинокрадов вы тут видели, придурки?

– Нам показалось, – начал сочинять Димка, – что кто-то лез через забор...

– Когда кажется – креститься надо, – сплюнул отец и повернулся к соседу. – Николай, возвращаемся на исходную позицию. Они где-то рыщут, я чую.

Машина с потушенными фарами заскользила по темной улице.

– А мы? – спросил я.

– На подхвате будете, – решил отец. – Хватит держаться за мамкину юбку. Будете привыкать бороться со злом.

– А то совсем озверели, ворюги эти, – сказал Кобан. – Заборы почти каждую ночь пропадают.

– Угу, – поддакнул я.

– У Сереги антенну украли, – продолжал Кобан.

– Вопиющий факт, – строго заключил отец. – Контрреволюция на марше.

Мы с братом уважительно молчали.

– Все из-за перестройки, – согласился Кобан. – Крышу в сарае разобрали, суки!

– Подрыв основ государственного строя, – солидно сказал отец, – иначе не скажешь. Ничего, Никола, они еще за все ответят, – достал носовой платок и звучно высморкался. – Скажу тебе по секрету, – понизил голос, – строго между нами. Это неуловимые братья Орешниковы.

– Вэ-Вэ, а кто это? – Кобан тоже понизил голос.

– Это главари банды контрабандистов! – отец щелкнул зубами, как Серый волк. – Я когда банду раскрыл, с КГБ вместе, то они сбежали и теперь мне мстят.

– Ого, – сосед уважительно посмотрел на отца.

– Вот тебе и ого, – по индюшину напыжился отец.

Часа два мы катались по деревне, пытаюсь поймать мифических свинокрадов.

– Вэ-Вэ, – осторожно предложил Кобан, – может, спать пойдем?

– Враг не дремлет! Мы на страже, Микола! Почти, как на границе. Ты представь, – неожиданно заголосил отец, – что за тобою полоса пограничная идет.

Собаки по деревне взвыли.

– Свинокрады! – закричал отец, колотя по дверце. – Вперед, Микола! Хватай!

УАЗ послушно рванул вперед. Заметив темную тень, Кобан включил фары. Машина затормозила перед ослеплен-

ным человеком. Отец, шурша плащом, вывалился наружу.

– Стоять!!! Стреляю!!!

– Владимирыч, это я, – жалко проблеяла фигура.

– Владимирыч – это я, – резонно возразил отец. – Руки вверх, свинокрад!!! – скакнул вперед, замахиваясь прикладом в голову, но остановился, рассмотрев жертву. – Коль, ты?

– Я, – подтвердил стоящий с поднятыми руками погорелец Кузьмич, подрабатывающий ночным сторожем.

– Ты что тут делаешь?

– Навоз ищу... – Кузьмич показал на стоящее под ногами ведро.

– Какой навоз? Тебе что, на старой деревне навоза мало?

– Конский...

– Зачем тебе конский?

– Буську кормить...

У Кузьмича в хижине, построенной после пожара, жила огромная свинья Буська, совершенно свободно разгуливающая по деревне. Однажды даже выдавила в нашем сарае стекло.

– А почему ночью?

– Стыдно как-то... – опустил голову.

– Твою трансмиссию, Коля!!! Мы же тебя чуть не пристрелили, фаршированный першинг тебе в Европу!

– Я больше не буду, – Кузьмич пустил слезу. – Честное слово.

– Ладно, я сегодня добрый, вали домой, пока не передумал.

Довольный погорелец схватил ведро и хотел уйти.

– погоди, – остановил отец, – навоз мне домой занеси. Тебе же все равно по пути. Понял?

– Понял, понял, – Кузьмич свалил с глаз долой.

– Вэ-Вэ, зачем тебе конский навоз?

– От него свиньи хорошо растут.

– Да, Буська здоровенная скотина, – подумав, согласился Кобан.

– А еще, говорят, от геморроя хорошо помогает...

– Может, домой?

– Ты что? Мы же их едва не накрыли. Продолжаем патрулирование.

– Мы можем на разведку сходить, – предложил Димка.

– Вы уже раз сходили, – отец закурил, – увидели свинокрадов, как пуганная ворона куст. Сидите уж, Аники-воины. И вообще, что-то больно вы покладистые. Видать, совершили какую-то пакость.

Незаметно я заснул, убаюканный ездой и мягким светом лампочек на приборной панели. Отец растолкал меня уже под утро.

– Не спи, боец, замерзнешь.

За окном светало, в открытую дверь тянуло сырой свежестью.

– Вылезай, идите спать.

– Поймали свинокрадов? – зевнул я.

– Нет, не поймали, – широкий лоб отца пошел морщинами. – Видно, как говорится, у них есть агенты, которые укрывают их в своих домах.

– Вэ-Вэ, я спать? – широко зевнул сосед.

– Езжай, Микола, отдыхай до обеда – заслужил. Как стемнеет, будь готов.

– Опять?!

– А ты как думал? Родина в опасности. Наше дело правое, наши свиньи будут за нами.

Втроем подошли к воротам.

– СтаршОй, ведро с навозом возьми, а то сопрут же. В мессиво свиньям добавь, а пустое ведро отнесите Кузьмичу. Нам чужого не надо.

Мы с братом, не раздеваясь, завалились спать, а отец включил на кухне приемник, сделанный в виде маленького телевизора с переливающимися в такт музыке четырьмя цветными лампочками за экраном, и подпевал ему. Часа через два мать разбудила нас завтракать.

– Вставайте, лежни, хватит дрыхнуть, чай стынет.

Зевая, вышли в прихожую. Отец, свежий, как утренний огурчик в росе, бодро жевал яичницу на сале.

– Спите, сурки? – поприветствовал нас. – Куда в вас только лезет? Если не будить, так и будете спать сутками.

Мы молча сели на табуретки и стали пить морковно-кипрейный чай, бережливо заедая оладушками. Каждому

из нас полагалось по два тощих оладушка, сделанных матерью из каких-то отходов.

– Поймал кого? – спросила мать.

– Кузьмича – навоз конский собирал, лишенец.

– Старый черт, – не понятно про кого сказала мать.

– Еще наши пострелята вроде кого-то видели возле дома ветврача, но тревога оказалась ложной.

– А если бы их пристукнули? – нахмурилась мать.

– Кто? – удивился отец.

– Свинокрады.

– Может, их в природе нет? Бабкины сказки.

– Вить, дыма без огня не бывает.

– Если бы были свинокрады, то Буську бы давно сперли. Она без присмотра целыми днями спотыкается и никто не украл.

– Я не подумала в таком разрезе. Правда, чего тогда ее не сперли? – мать задумчиво поводила в чае ложечкой.

– Вот и я про то же, – отодвинул опустошенную сковородку.

– За кем тогда всю ночь гонялся?

– Как говорится, занимался общей борьбой с преступностью и профилактикой правонарушений.

– Лечиться тебе надо.

– Медицина бессильна, – гордо сказал отец и ушел на работу.

– Будете ходить без шапок, тоже тронетесь, – посмотрела

вслед мать. – Если будете бездельничать – тронетесь даже без вариантов. Посуду помыть не забудьте, – встала из-за стола и пошла собираться на работу.

– И что будем делать? – собирая со стола посуду, спросил я.

– А что делать?

– Как тетрадку добывать?

– Если магазин поджечь? Она же сгорит.

– Ты совсем того? – я покрутил пальцем у виска. – Ку-ку?

Из-за тетрадки магазин поджигать?

– Ну, не знаю... А если сделать как тогда, в райцентре?

Когда я в магазине вазу на голову одел?

– У нас в магазине ваз нет. А если бы и были, что толку?

Одел бы ее на голову – дальше что?

– Ирка бы отвлеклась и ты украл тетрадку.

– Опять я?!

– Тебе ваза на голову не налезет. А если мы из дома возьмем вазу? – осенило брата. – Ту, что тогда украли.

– *Февраль: достать рубли и плакать... – выдохнул сигаретный дым отец. – Семья это важнейшее дело в жизни человека, – приоткрыл дверцу и выбросил куцый окурочек в мокрый снег. – Без семьи нынче некуда. Понятно?*

– *Понятно, – ответил Димка.*

Я молча кивнул, подозревая подвох в непривычной ласковости отца.

– А что в семье самое главное? – продолжил отец, заку-
ривая следующую «Приму».

– Чтобы кормили? – предположил Димка.

– Это важно, не спорю. А еще что? Ты чего молчишь, Ва-
ся?

– Чтобы было, где жить?

– И это тоже важно, но не все, – отвернулся, глядя
сквозь лобовое стекло на памятник Ленину. – Важнее всего
родители. Понятно?

– Да, – закивал Димка.

Я промолчал.

– Скоро международный женский день, посвященный
Кларе Цеткин и Розе Люксембург, поэтому...

– А что такое кларцеткин? – спросил брат.

– Вот придурок, – отец сплюнул под ноги и постучал
по рулю. – Это иностранки такие.

– А мы тут при чем? – удивился Димка.

– Это не важно, важно добыть подарок для вашей ма-
тери, – и добавил тихо что-то неразборчивое.

– Купить? – не унимался любознательный Димка.

– Купить любой дурак может, – презрительно скривился
отец. – Даже такой, как ты.

– У меня денег нет, – радостно ответил брат, – я не мо-
гу.

– Знать бы, кто твой отец, – сняв шапку, задумчиво по-
чесал плешь папаши, – ты явно не в меня, я в твоём воз-

расте догадливей был. Ладно, объясняю для умственно отсталых. Вон там, – палец отца указал вправо, – универмаг. В универмаге подарок. Ваше дело его добыть!

– Украсть? – осторожно спросил я.

– Можно бы украсть, – с сожалением сказал отец, – но ты и так в детской комнате на учете состоишь, хватит с меня позора. Будете делать так, – понизил голос, посвящая нас в план. – Заходите, спотыкаетесь, будто погреться зашли. Потом ты, – палец уткнулся Димке в лоб, – одеваешь на голову вазу, там есть такая большая...

– Кому? – испугался брат.

– Себе, – вздохнул отец.

– Зачем?

– Зачем я с тобой связался! – кулак отца врезал по спинке сиденья. – Но у Васи не получится, голова большая, – с сожалением посмотрел на меня. – Понятно?

– Я боюсь, – накуксился Димка.

– Нечего там бояться. Твой дядька два года с глиняным горшком на голове проходил и ничего, не облез. А тебе несколько минут потерпеть. Одеваешь и реवेशь! А ты, старшОй, начинаешь бегать вокруг и кричать, что он задохнется. Тут вбегаю я и увожу его, вроде как в больницу, а ты потом незаметно выходишь и топаешь к вокзалу. Мы тебя там подождем. Ясно?

– Ясно, – кивнул я.

Димка промолчал.

– Чешите, дармоеды. Я зайду через, – посмотрел на часы, – десять минут.

Мы вылезли из машины и неуверенно пошли к универмагу. Внутри было тепло и Димка немного расслабился после замороженного нутра УАЗ-ика.

– А меня милиция не поймает? – тихо спросил он.

– Нет, – без всяких угрызений совести обманул я. – Милиции тут нет.

Здание РОВД находилось рядом, но Димке об этом было знать не обязательно.

– А какая ваза? – шептал.

Я в уме прикинул размер вазы, головы брата:

– Вон та, вроде.

– Хорошо, – внезапно схватил тяжелую вазу и напялил на себя.

– Мальчик, ты что делаешь? – всполошилась молоденькая продавщица.

– А-а-а-а! – приглушенно ревел брат.

– Это он чего? – подбежала вторая, пожилая. – Это что тут?

– Он задыхается!!! – закричал я. – Умирает!!!

– Мальчик, мальчик!!! – трясла Димку за плечи пожилая. – Мальчик!!!

– Сдохнет сейчас!!! – орал я, понемногу пятясь к выходу.

– Вера Тихоновна, – испуганно спросила молодая, – что делать?!

– Без паники, Аня! Беги к телефону, вызывай «скорую»!

– А как звонить?

– А я знаю?!

– Что тут происходит? – вошел отец с поднятым воротником, в низко надвинутой на глаза шапке и с повязкой «Дружинник» на рукаве тулупа. – Что за крик? Кого режут? – лица почти не было видно.

– Мальчик!.. Надел... – плакала Аня. – На голову...
А я... я...

– А вы сядете за убийство, – оскалился отец.

– За что?!

– Найдут за что.

– Я только подошла, – попятилась Вера Тихоновна, – я ничего не видела!

– Ребенка надо немедленно доставить к врачу, – подхватив Димку за плечо, потащил к выходу. – Я беру это на себя, оставайтесь на месте и не паникуйте. Спокойствие, только спокойствие, – обернувшись в дверях, прокричал он. – Писем не ждите, читайте в газетах! – скрылся в ранних мартовских сумерках.

– Ты знаешь этого мальчика? – спросила меня Вера Тихоновна.

– Нет, первый раз вижу.

– А ты что тут делаешь? – подозрительно смотрела она.

– Пришел велосипеда посмотреть...

– *Велосипеды не здесь, они на втором этаже, – сказала Аня.*

– *Ну, я пойду... – я не спеша шел к выходу.*

– *А ты чей? – не унималась пожилая. – Что-то я тебя не знаю.*

– *Фролкин я, Петя, – сказал первое пришедшее в голову.*

– *А живете вы где?*

– *Возле хлебозавода. До свидания, пойду я.*

– *А велосипеды? – не поняла Аня.*

– *В другой раз, – выскочил на улицу и, стараясь не поскользнуться, побежал к автостанции.*

Вот так нелегко досталась нам ваза.

– Ты что, пойдешь по деревне с вазой на голове? – я смотрел на брата даже с некоторым страхом – он явно тронулся от жадности. Сначала идея с поджогом, теперь это.

– До магазина можно вазу в мешке донести, а перед магазином одену.

– Оденешь и что дальше? В магазин зайдешь?

– Я зайду, она удивится, а ты схватишь тетрадку.

– Схвачу и побегу? Она же увидит, что я взял. Бред какой-то.

– Тогда поджигать надо.

– А ты не хочешь продать лимонад или вернуть обратно?

– Как можно вернуть? – глаза Димки расширились от удивления. – Это же наше уже.

– Я бы лучше вернул.

– Ты уже батон побил, как я его верну?

– Значит, я виноват?

– А кто? Зачем ты его ломал?

– Верни все, кроме батона, а за батон заплати.

– Да не буду я платить! И возвращать не буду!

– Ну и дурак.

– Сам дурак!

Обидевшись, Дима решил обойтись без меня. Позвонил домой Чомбе и назначил встречу в саду. Не знаю, что он наплел приятелю, и что пообещал, но Чомба привычно втянулся в авантюру. Они взяли из зала вазу и засунули в мешок.

– Зря вы это, – сказал я.

– Не каркай, – Дима прошествовал мимо, высоко вздернув нос, и вышел из дома.

Чомба виновато глянул на меня и кинулся за другом. Дальнейшее я узнал из рассказа брата. Подойдя к магазину со стороны околицы, сорванцы разделились. Димка вошел внутрь, а Чомба остался выжидать за углом – он должен был зайти через некоторое время с вазой на голове.

Дима с умным видом рассматривал пустые полки, продавщица Ирка неспешно беседовала с бабкой Устинихой, попивая чай.

– Ишь как зыркает, – вполголоса сказала Устиниха.

В магазин зашла мать с подругой Катей Башкириной.

– Дмитрий, что ты тут делаешь?

– Кто? Я? – глаза Димки заметались, лихорадочно ища пути отхода.

– Ты.

Открылась дверь, неуверенно вошел Чомба с вазой на голове. Все посмотрели на него и замерли. Устиниха перекрестилась, уронила стакан и он зазвенел по полу, расплескивая чай. От звона Чомба попятился, зацепился за порог, нелепо взмахнул руками, словно собираясь взлететь, и с размаху шлепнулся на пол. Злосчастная ваза разлетелась на куски. Испуганный Чомба лежа на полу смотрел на возвышающуюся над ним нашу мать.

– Это? Была? Наша? Ваза? – спросила мать.

– Это не я!!! – будто зайчонок в когтях кречета заверещал Чомба. – Это не я!!!

– Я тебе устрою клизму с пневым скипидаром и мочегон, – пообещала ласково мать. – Полежи пока, никуда не уходи. Кать, присмотри за ним, – подобрала с пола самый крупный черепок от вазы. Развернулась и подошла к Димке, застывшему возле прилавка, как бандерлог при виде Каа. – Это была наша ваза?

– Угу, – кадык Димки лихорадочно рухнул вниз.

– И тебе будет клизма, Дмитрий. Я вам пневого скипидара в задницы залью! Ира, не волнуйся, мальчики тут все приберут. Потом... Ая-я-й, как нехорошо, – покачала головой. – Это же был мой подарок, а подарки гробить нехорошо. Это же дикость какая-то. Так?

– Так, – пролепетал Дима.

– Так, – эхом отозвался дрожащий Чомба.

– А почему нехорошо? Потому, что предметы культуры уничтожали только кто, Дмитрий?

– Фашисты?

– Верно, только фашисты. А что надо делать с фашистами?

– Бить гранатами?..

– Верно. Хорошо, что ты все понимаешь. Плохо, что поступаешь не так, а особенно плохо, что не из-за непонимания, а из хулиганских побуждений.

– Так его, сатану! – одобрила Устиниха, до сих пор подзревавшая Димку в краже курицы.

– Марья Устиновна, – срезала мать, – обзывать детей непедagogично. И со своими детьми я разберусь сама, без вашей замшелости, – обрушила черепок Димке на голову. Черепок разлетелся, Димка покачнулся. – Хулиган – язва общества и социальный паразит. У меня все.

Вернулась к Чомбе, лежащему ни жив, ни мертв.

– Раскаиваешься, Коля?

– Да, тетя Таня! Да!

– Искренне ли раскаяние твое? – спросила вкрадчивым голосом.

– Да! Да!

– Хорошо, – переступила через него. – Я поговорю с твоей матерью о мерах по твоему воспитанию. Дмитрий, Николай,

приберите тут. Катя, пошли.

Они ушли. Ошеломленные Ирка и Устиниха смотрели, как дети собирают с пола осколки вазы в бумажный пакет, выпрошенный Димкой у продавщицы.

– Еще склеить можно чесночным соком, – деловито сказал Димка. – Будет как новая.

– Строгая у вас Сергеевна, – уважительно сказала Устиниха. – Порядок блюдет.

– Строгая, – закивал Дима, незаметно засовывая в пакет стакан, уроненный Устинихой, – но справедливая. Зря не накажет.

Собрав осколки, юные шалопаи отправились домой. Димка всю дорогу хохотал, как все три поросенка вместе взятые. Придя, в лицах рассказали историю мне, а потом Димка снова закатился в приступе хохота.

– Чего это он? – тревожно спросил Чомба.

– Каску носить надо.

– Какую каску?

– Анекдот такой есть: на стройку привели на экскурсию Вовочку и других детей. Экскурсовод раздал им каски.

– Дети, наденьте их, а то был такой случай: мальчик с девочкой пошли на стройку, девочка была в каске, а мальчик нет. На голову им упало по кирпичу. Мальчик умер, а девочка засмеялась и убежала. Вовочка воскликнул:

– А я знаю эту девочку! Она до сих пор бегает в каске и смеется.

– Понял.

– Сами вы в касках, – отсмеялся брат. – Я просто радуюсь.

– Чему ты радуешься? – не понял я.

– Пока все на Чомбу смотрели, я листы в тетрадке вырвал.

– И куда ты их дел?

– Съел.

– Ничего себе, – Чомба уважительно смотрел на Димку. –

Я бы не додумался.

– Учись, пока я жив, – брат по-отцовски приосанился. –

Такой куш сорвали! Надо было больше в долг брать.

– Не жадничай, – я покачал головой, – жадность никого до добра не довела.

– Теперь разбогатеем, – пустился в мечтания брат.

– И я с вами, – смущенно сказал Чомба.

Димка так изумленно посмотрел на друга, будто увидел говорящий пень.

– И ты, только надо клей найти, вазу склеить.

– Хорошо, я найду, – Чомба преданно смотрел на нас. –

Я найду, правда.

– И сала принеси, – кивнул Дима.

III

– А что, если нам свинью украсть? – предложил брат, разливая самодельный лимонад в вымытые бутылки.

– Зачем нам свинья?

– Что ты как маленький? Свинья – это сало.

– Сало салом, но чтобы сало сделать, надо свинью зарезать. Так?

– Надо, а что? – блеснул глазами, ожидая подвоха.

– А то, что батя свиней сам не режет, Кобана зовет или Зайца. Так?

– Ну так... и что?

– Они придут резать, а свинья не наша.

– Как они поймут, что свинья не наша? – подумав, спросил брат. – На свинье же не написано.

– Ну... – тут уже я задумался. – Догадаются.

– У тебя нет нового метода и нового мышления, поэтому ты и ноешь постоянно. Все свиньи похожи, значит, если мы украдем свинью, то ее не отличат.

Звонок от ворот прервал рассуждения брата. Димка кинулся к ним. Я зашел в родительскую спальню: понаблюдать из окна. Димка впаривал соседу Вовке лимонад. Вернулся довольный, показал монеты.

– Прибыль, а ты не верил.

– Не радуйся раньше времени, вдруг Ирка вспомнит, что

ты в долг набрал.

– Пускай вспоминает, доказательств у нее нет.

– Мамке скажет, та тебя без всяких доказательств удавит.

– Думаешь? – радость брата угасла, как огонек свечи от выплеснутого ведра воды.

– Знаю. Еще и из детей кто-нибудь расскажет, что ты лимонад продаешь.

Раздался очередной звонок. Димка схватил бутылку и побежал к воротам. Я пошел к окну: брат втюхивал лимонад Ольке, дочке материной подруги Катьки.

– Купец несчастный, – пробурчал я.

Надо признаться, что пока план брата работал: в долг он набрал, листы из тетрадки вырвал и теперь продавал сильно разведенный лимонадный концентрат. Прибыль была налицо. Даже не верилось, что такое смог повернуть мой младший брат.

– В прошлый раз ты тоже ныл, – вернувшийся брат показал барыш, – не верил, а вышло воно как.

– Как?

– Так. Выгодно вышло, – надулся от гордости, что казалось – ткни пальцем и лопнет, как воздушный шарик от зажженной сигареты. – Теперь предлагаю новый план: украсть свинью. У нас новый метод и новое мышление, значит, мы первыми додумались воровать свиней.

– Забыл, что мамка говорила? Свинья это не забор. За свинью могут и прибить.

– Это если поймают.

– Думаешь, не поймают?

– Кто нас может поймать? Их же только наш батя и ловит.

Он если и поймает, то не убьет, а даже похвалит.

– Это да, – отец хвалил Димку за кражу курицы, а сам умудрился однажды украсть козу в райцентре. А еще хвалился, что в детстве воровал баранов. – Но как ты собираешься тащить свинью?

Свинью мы не донесем, она тяжелая.

– Буську можно – она сама ходит.

– Ее каждая собака знает, ее ни Кобан, ни Заяц не перепутают.

– Это да... А если поросенка? – почесав затылок и полистав записную книжку, предложил брат. – Он меньше, нести легче.

– Поросенок визжать будет.

– Рот завяжем.

– У тебя на все готов ответ, как я вижу.

– Потому, что у меня новый метод, – Димка напыжился, как страдающий запором совенок, – а ты все по старинке, только заборы красть умеешь.

– Заборы на дрова нужны.

– Умные люди дрова воруют.

– Не вопрос: иди и укради дров, а я погляжу.

– Почему сразу я? – брат стушевался.

– Ты же языком ляпаешь. Возьми и докажи.

– Ладно, заборы воровать удобнее. Это дрова любой дурак может украсть, а заборы не всякий додумается, только ты, – польстил мне.

– То-то же.

– Но все равно, давай свинью сопрём, точнее поросенка.

Если Димка что-то вбивал себе в голову, то пытаться переубедить его было бесполезным делом. «Колом не выбьешь», – как говорила мать.

– У кого мы его сопрём?

– Можно у Кобана – ближе всего.

– И ты думаешь, что он, когда будет резать, не узнает свою свинью?

– Мы ее покрасим, не узнает.

– Нет, это чушь. Если ее покрасить, то сало есть нельзя будет.

– Да? Я как-то не подумал...

– Ты вообще редко думаешь.

– Давай у Чомбы. У них всегда сало вкусное, – брат облизнулся и сглотнул слюну.

– Совсем ошалел? Он же твой друг.

– А если?..

Дальше по улице жил Лукьянович, а следующим стоял новый детский сад.

– Тогда у Рябки? – брат перескочил на другую сторону улицы.

– Собака злая.

– У Сашки Вазона?

– Его бабка, если поймает, то ноги выдерет.

– Она же старая.

– Старая, не старая, а по мешку картошки на каждом плече носит.

– Да ну ее, – испугался Димка. – А что если... – дико посмотрел на меня, – у токаря?

– У токаря?.. – я замер, пораженный смелостью мысли брата.

Сын Васи-токаря, Юрасик был матерым ворюгой, широко известным даже за пределами района. Он воровал все! От тюрьмы Юрасика спасало только малолетство.

– У самого Юрасика?

– Он ворует, а мы у него.

– Хорошая идея, – мне даже понравилась мысль обокрасть первейшего ворюгу. – Батя точно будет доволен.

В этом можно было не сомневаться: отец болезненно реагировал на дурную славу Стасика и часто ворчал, что будь помоложе, давно бы переплюнул «белобрысого засранца». Хотя, сказать по правде, отец в кражах уже давно переплюнул не только Юрасика, но и половину района, вместе взятую. Просто, об этом мало кто знал, ибо тщеславие в папаше было слабее врожденной осторожности.

– Ты знаешь, где у них свиньи?

– В сарае, как и у всех.

– А поросята есть?

– Я откуда знаю? Чомба же двоюродный брат Юрасика, спроси у него.

– Понял, пойду позвоню.

– Только ты не в лоб спрашивай, а между делом, иначе, когда поросенок пропадет, Чомба догадается.

– Не учи, – отмахнулся брат, – у меня новый метод. Он у меня еще польку-бабочку танцевать будет!

Вернулся из дома минут через пятнадцать.

– Короче, я все узнал. Три поросенка есть.

– Ничего не заподозрил?

– Что он может заподозрить? Я сказал, что батя засаду на свинокрадов готовит.

– Какую еще засаду?

– Что ему из района пришла секретная бумага, – с гордостью докладывал брат, – и сегодня ночью приедут свинокрады.

– Ты точно ку-ку, – вздохнул я.

– Почему я ку-ку?

– Ты забыл, что в прошлый раз было? Вся деревня после твоей выдумки на ушах стояла.

– Я Чомбе сказал, что это секрет и чтобы он никому не трепался.

– Ну-ну.

Я оказался прав. Через пару часов позвонила мать и велела следить за свиньями.

– Свинокрады сегодня нагрянут, – шептала в трубку. – Ес-

ли увидите кого-нибудь чужого, сразу звоните.

– Доволен? – я посмотрел на Димку.

– А что я? Что сразу я? Это Чомба все!

– Если бы ты ему не наплел всякой ерунды, он бы панику не устроил по деревне.

– Может, к вечеру успокоятся?

Не успокоились. Когда мы привычно скользнули во мрак улиц, то тут, то там, за заборами и оградами темнели силуэты. Люди курили, лузгали семечки, негромко разговаривали или молча ждали. Отец забрался на водокачку, обозревая деревню с высоты в бинокль. Снизу стоял УАЗ с терпеливо ждущим Кобаном.

– Мы ни то, что поросенка, – тихо сказал я, – мы даже забор не сможем утащить – кто-нибудь да заметит. Пошли домой, сегодня спать ляжем, а завтра, когда все будут отсыпаться – пойдем на дело.

Так и вышло: следующей ночью все дрыхли без задних ног и как стемнело мы «вышли на дело». Пошли по проселку вправо, к перекрестку. На перекрестке свернули влево, обошли по посадке крайнюю улицу и по полю подобрались ко двору токаря. Собака лениво твякнула в конуре – мы замерли. Никого. Все спят. Зашли в калитку, шмыгнули к белокирпичному сараю.

– Замок, – прошептал Димка. – Что делать?

– Известно что, – я достал связку ключей и начал подбирать подходящий. Замок открылся на двенадцатом ключе.

Сунул ключи и замок в карман и вытащил засунутый сзади за ремень мешок.

– Подержи.

Достал пластмассовый пузырек с длинным носиком и смазал машинным маслом дверные петли. Собака вновь тьякнула – мы замерли.

– Пошли, – прошептал Димка. – Чего мы ждем?

– Погоди, еще чуток, – потянул дверь.

Спасибо маслу, дверь открылась «без шума и пыли». Как два хорька нырнули в темное нутро сарая.

– Надо было фонарик взять, – тихо сказал я, спотыкаясь в темноте.

Справа в плечо ткнулась большая рогатая голова – корова. Значит, хлевы будут где-то слева. Начал ощупывать дощатую перегородку. Вот и дверь. Приоткрыл. Куры сонно заклохотали. Не то. Закрыл. Следующая дверь встретила бляением. Овцы. Закрыл. А вот и знакомый запах – явно свинарник. Зашли в хлев и начали искать по полу спящих поросят. Раздался пронзительный визг – Димка наступил на поросенка. Нервы брата не выдержали, и он кинулся наутек. Я рванул следом, споткнулся об другого поросенка и упал. Вскочил, пулей вылетел во двор. В доме уже зажегся свет в окнах, собака захлебывалась истошным лаем.

Сломав голову, проскочил в калитку. Далеко впереди топотал убегающий к посадке Димка. Я повернул влево и кинулся бежать вдоль околицы, надеясь запутать преследователей

и лихорадочно вспоминая, есть ли у токаря ружье. Лай подхватили другие собаки, деревня просыпалась. Хлопали двери, вспыхивали окна, скрипели калитки. Добежав до конца улицы, перебежал на соседнюю и по ней пошел к дому, пытаясь отдышаться.

Когда поравнялся с детским садом, навстречу вылетел УАЗ, ослепив внезапно вспыхнувшими фарами.

– Стоять!!! – раздался привычный вопль отца. – А, это ты... Чего спотыкаешься?

– Вот... – я развел руками.

– А младшОй где?

– Он это...

– А мы свинокрадов едва не накрыли. Они у токаря сарай взломали, козлы! Ты никого не видел?

– Вроде в той стороне лошадь какая-то проехала, – обернулся я.

– Лошадь?

– Ну, телега.

– Это они! Садись в машину. Микола, газу!

Я, вздохнув, забрался в салон.

– Мы им сейчас раздерем, как хуту тутси! – кричал отец. – Микола, гони! Теперь они в наших руках.

УАЗ болидом летел по улице. Путь до околицы показался мне невероятно коротким.

– Налево, – командовал отец. – Явно к дороге будут пробираться.

В свете фар, будто пойманный заяц, на асфальте мелькнула телега.

– Вот они! Это Орешниковы! – от крика отца у меня заложило уши. – Ату их!

Машина прыгнула вперед, словно укушенная оводом лошадь.

– Левее!!! – отец распахнул дверцу и шандарахнул из ружья в изумленное ночное небо. – Сигналь!

Кобан надавил на клаксон, разорвав истошным гудком ночь.

– Стойте, выродки! Побью к чертям!

Если в деревне еще кто-то до сих пор спал после выстрела и сигнала, то теперь точно проснулся. УАЗ едва не налетел на телегу, отец высыпался на улицу и размахивая ружьем, орал:

– Лежать! Все лежать! Руки вверх! Ноги на ширину плеч!

– Владимирыч, ты-ты-ты-ты чего? – возле телеги скорчились помощники мукомола Пыка и Мыка.

– Лежать, скоты! – отец врезал Пыке сапогом в бок. – Где поросята?

– Ка-ка-ка-кие по-по-по-ро-ро-ся-та? – Пыка от страха стал заикаться еще больше.

– Васи токаря поросята.

– Владимирыч, – подал голос Мыка, – мы не при делах. Мы никаких поросят не брали.

– Молчи, свинокрад! От тебя не ожидал.

– Да не брали мы поросят, – слегка пришел в себя Пыка.

– Что вы тогда тут делаете?

– Мы это... – замялся Пыка.

– Не юли!

– Короче, комбикорм Капитану продали...

– Воруете, падлы, – ласково сказал отец и зарядил каждому сапогом под ребра.

– Мы это... Владимирыч... мы поделимся... А поросят мы того... не брали...

– Лежите, лишенцы. Встанете – убью. Микола, отойдем.

Отец и Кобан отошли к машине.

– Подрыв основ государственного строя, – солидно сказал отец, – иначе не скажешь. Эти падлы-мукокрады осмелились пойти против меня, представителя государственной власти. Ничего, Микола, они еще за все ответят, – достал платок и звучно высморкался в него. – Скажу тебе по секрету, – понизил голос, – это неуловимые братья Орешниковы.

– Это же Пыка и Мыка, они тут всю жизнь живут.

– Могли маски одеть. Помнишь, как в «Фантомасе»?

– Маски? – Кобан задумался. – Если маски...

– Предлагаю их пристрелить. При попытке к бегству.

– Ты что, Вэ-Вэ? – всполошился сосед. – А если это не маски?

– А если маски? – настаивал отец, давно уже сам поверивший в выдумку с братьями Орешниковыми. – Ты предлагаешь отпустить опасных рецидивистов? Пускай и дальше во-

руют заборы и разбирают крыши?

– Я не предлагаю... я... может, лучше милицию вызвать?

Они разберутся? – просительно посмотрел на отца.

– Никакой милиции. Хватит наматывать сопли на кулак.

Я тут шериф, я сам разберусь!

Вернулся к лежащим. Нагнувшись, ухватил Мыку за ухо и стал тянуть, упершись коленом в плечо.

– Ты что, Владимирыч? – Мыка заверещал, как заяц в когтях коршуна.

– Чего орешь?

– Больно же!

– Не брешь, это маска, – ласково сказал отец.

– Ты что, Владимирыч, нет на мне никакой маски!

– Не брешь! – закинул ружье на плечо и ухватил рукой за второе ухо.

– А-а-а! Оторвешь же!

– Ты Мыка, тебе положено длинные уши иметь и с ними мыкаться неприкаянно, – отпустив уши, брезгливо вытер руки об одежду Мыки и, встав, подошел к Пыке.

Пригнувшись, ухватил несчастного за кожу на щеке и начал тянуть вверх.

– Ты в маске!

– Владимирыч, нет у меня маски. Отпусти, все отдадим, что за сено взяли. Больше воровать не будем! Отпусти, Христом богом молю!

– Шлепнуть вас что ли?

– Владимирыч, не убивай! – Пыка вскочил на колени и молитвенно сложил руки. – Сроду больше не украду.

– И я! – Мыка прыжком, которому бы позавидовал настоящий заяц, оказался на коленях рядом с собутыльником. – Век за тебя Бога молить буду.

– Лучше моли коммунистическую партию, – помахал перед лицами коленнопреклоненных стволами ружья. – Вы точно не Орешниковы?

– Отродясь никаких Орешниковых не знал, – всхлипнул Пыка и посмотрел на подельника.

– Даже не слышал про таких, – горячо подтвердил Мыка.

– Ладно, – после тяжелых раздумий, от которых по лицу буграми ходили мышцы, вспучиваясь в самых неожиданных местах, сказал отец, – поверю вам условно-досрочно. Но если еще раз...

– Нет, нет, мы не будем, – в один голос закричали помилованные.

– Катитесь отсюда, чтобы ноги вашей здесь не было.

Вернулся к машине, влез.

– Микола, поехали домой. Кто бы мог подумать: Пыка и Мыка и братья Орешниковы. Радостный Кобан быстро домчал до дома.

– Хорошая вышла ночь, – вылезая из УАЗ-а, сказал отец, – со значением.

– Владимирыч, я тут насчет Пыки и Мыки подумал, – помялся Кобан. – Они приезжие...

– Думаешь? – глаза отца блеснули охотничьим азартом.

– Но они на полгода раньше вас приехали.

– Значит, знали, что я здесь появлюсь, – кивнул.

– Откуда?

– ЦРУ просчитало, когда я в Москве на агронома учился, – на полном серьезе прошептал отец. – Ладно, отдыхай пока.

Димка был уже дома.

– Ну что там? – шепотом спросил он.

– Все нормально, – зевнул я, – чуть братьев Орешниковых не поймали.

– Во как! Настоящих?

– Не совсем. Больше желания красть свиней у тебя нет?

– Нет.

Я пошел спать.

IV

– Тань, – за завтраком сказал отец, – мы же сегодня ночью чуть неуловимых братьев Орешниковых не поймали.

– Вить, – мать сосредоточенно делила холодное, сваренное из остатков ухи с желатином и обжаренной на сале морковки. Холодного получилось много, в основном за счет морковки, – не глуми ты мне голову, а то еще поделю не так. Холодного должно до конца недели хватить, а твоих Орешниковых, если они вообще есть, – прищурившись, посмотрела на отца, – никто не ловит, потому, что они даром никому не нужны.

– Да что ты говоришь? – отец от огорчения одним махом выпростал стакан горячего чая. – Что значит, не нужны? Опасные преступники, угроза обществу, и не нужны? Асоциальные элементы, чуждые нашему быту и ставшие на скользкую стезю преступления, и не нужны?

– У нас полсемьи таких и что?

– Каждый гражданин должен их ловить, либо, – поучительно воздел палец и сверкнул лысиной, – содействовать их поимке компетентными органами.

– Вить, будешь так пить – скоро начнешь не только Орешниковых, но и чертей ловить.

– Черти антинаучны, – солидно возразил отец.

– Если антинаучны, почему тогда алкоголики во время бе-

лой горячки чертей ловят?

– Из-за низкого уровня общей культуры. Культурные алкоголики чертей не ловят...

– Культурные алкоголики ловят братьев Орешниковых, – закончила мать.

Димка, строчащий в записную книжку новые слова, захихикал, но осекся под тяжелым взглядом отца.

– Не смешно, младшОй, – отец обвел всех внимательным взглядом. – Преступление не должно остаться безнаказанным. Как говорил Глеб Жеглов Володе Шапапову: Вор должен сидеть в тюрьме.

– Какой преступление, Вить? Что ты мелешь языком, как трухлявая мельница?

– Я из-за них зуба лишился, – ткнул пальцем в свой ощерившийся рот. – Зуба! А мог и жизнь потерять!

– Вить, ты совсем ку-ку? – покрутила пальцем у виска Димки. – Тебе Катька повариха зуб выбила, за то, что перец из столовой воровал.

– Ты ничего не знаешь, женщина! Рассуждаешь тут, как умная Эльза, а на самом деле, Катька действовала по указанию братьев Орешниковых, как Каплан стреляла в Ленина по указанию эсеров.

– Вить, тебе лечиться надо. Надумал тоже, с Лениным себя сравнить. Долго думал? Ленин он того, он вождь, – развела руками.

– Я тоже вождь, я совхозом руковожу! – потрясал над го-

ловой сжатыми кулаками отец. – Это не хухры-мухры.

– Хватит тут заливать, а то я из-за тебя на работу опоздаю.

Ешьте скорее.

– Не опоздаешь, я тебя подвезу.

– Хотелось бы по улице пройтись. Вдруг кто-то кошелек потерял.

– Толковая идея, – кивнул отец. – Вдруг и правда какую безделицу найдешь.

– А что за Орешниковых вы чуть не поймали? – сменила гнев на милость мать.

– Пыка и Мыка, ворованный комбикорм Капитану продали, а мы их застукали и скрутили.

– Известные ворюги, – поморщилась мать. – Но с чего ты взял, что они братья Орешниковы? Они же тут всю жизнь жили.

– Мне сначала показалось, – слегка смутился отец, – в темноте, что они в масках, как Фантомасы.

– Может и правда в масках? – мать была мнительной, что Сидор в «Неуловимых мстителях». – Кто их знает?

– Я подергал – настоящая кожа.

– Тогда сообщники свинокрадов.

– Тань, пока что никто ни одной свиньи не украл. Свинокрады – как черти, – отрывка предрассудков.

– Мало ли, – мать на всякий случай перекрестилась. – Так что там с Орешниковыми? Награду за них не дают?

Было видно, что навязчивая отцовская выдумка, в ко-

торую он и сам давно поверил, начинает находить отклик в мозгу матери.

– Они мстят мне за разоблачение банды контрабандистов.

– Вить, – мать слегка пришла в себя, – какая банда контрабандистов?

– Как в «Бриллиантовой руке». Я их в Москве разоблачил. Они таились, как профессор Мориарти от Шерлока Холмса, и подослали Катьку.

– У тебя же не было гипса, – не выдержал Димка.

– Мне гипс не нужен. У меня все здесь, – отец гулко постучал себя указательным пальцем по лбу.

– Как в пустой бочке гул, – не утерпев, ехидно подначила мать.

– Это мысль резонирует. Возвращаясь к братьям, – звучно поскреб затылок, – я подумал ночью, пораскинул мозгами. Пыка и Мыка могут быть Орешниковыми. Они же приезжие, – увидев, что мать хочет возразить, поспешно сказал он.

– Они приехали раньше нас.

– Не намного.

– Все равно, раньше.

– Я к тому времени ихнюю шайку-лейку разоблачил, так что по времени все сходится.

– Но почему они приехали сюда?

– Потому, что меня Родина не так просто в этот медвежий угол направила, – таинственно сказал отец, – а чтобы я вывел преступных главарей на чистую воду. У Пыки вообще

фамилия Трапезон, а у Мыки наоборот, Якобхерсон.

– Фамилии уголовные, – согласилась мать, – но ничего не доказывают. Мелешь, как Емеля, а дети слушают.

– Учтите, пионеры, – отец покачал перед нашими лицами пальцем, – это тайна, как говорится, военная. Тань, собирайся на работу, – достал сигареты и закурил, поочередно выдыхая длинную струю дыма то в меня, то в Димку.

Родители ушли на работу.

– Пыка и Мыка – фашисты, – сказал Димка. – Я сразу догадался.

– Не фашисты, а контрабандисты.

– Все равно, они могут украсть меня.

– Зачем ты им нужен?

– Что бы папке отомстить.

– Папка будет только рад, если тебя украдут. Кормить же не надо.

– Это да, – согласился брат, поразмыслив. – Кормить не надо – будет рад. И что нам делать?

– Зачем нам что-то делать? Мы тут уже столько лет живем, и никто тебя не украл. Значит, ты никому не нужен.

– А если они нас подожгут? Помнишь, как Лелик-мукомол спьяну чуть не поджег?

– Так то Лелик, у него не все дома.

– Пыка и Мыка вместе с Леликом работают...

Я задумался. В словах брата был резон. Пыка и Мыка бы-

ли странными: ходили в вечно замасленных фуфайках и разговаривали так неразборчиво, что их никто кроме друг друга и Лелика-мукомола не понимал. Еще и жестикулировали при разговоре, как глухонемые. А если они и правда притворяются, чтобы отомстить отцу? Вдруг и зуб не за кражу перца ему выбили? Хотя я и понимал, что отец врет, но не может же человек врать постоянно? Или может?

– Мы должны за ними следить, – прервал мои раздумья Димка. – Что бы они нас не подожгли.

– Как ты собираешься за ними следить? – не понял я. – Что за ними следить, если они днем на работе? Куда они с работы уйдут?

– А ночью?

– А ночью мы заборы воруют, нам некогда следить.

– Может Чомбу попросить...

– Даже не заикайся! – перебил я. – Тебе мало того, что вся деревня свинокрадов ловит?

– И хорошо, зато свиней никто не украдет.

– Их и так никто не ворует.

– Потому и не воруют, что свинокрадов ловят.

– Их нет! – закричал я. – Пойми ты, свинокрадов нет!

Раздалась телефонная трель. Я подошел к столику и снял трубку.

– Алло.

– Василий, это я, – сказала мать. – Ночью у токаря поросенка украли. Следите за свиньями. Пропадет свинья – я вас

самих закуפורошу! – запиликали короткие гудки.

– У токаря поросенка украли, – положив трубку, сообщил я.

– Кто? – глаза брата испуганно заметались. Казалось, брат стремится заглянуть себе за спину: посмотреть, не подкрадывается ли кто?

– Я откуда знаю? – сел в кресло, продавленное тушей отца. – Нечего нам было вообще туда лезть.

– Я поросенка не брал, – нахмурился Димка, – я первый убежал, а ты еще оставался...

– Ты что, думаешь, я спер поросенка? – удивился я.

– Ты там один оставался, а теперь поросенка нет.

– Я потом с отцом и Кобаном ездил, Орешниковых ловил, и никакого поросенка у меня не было.

– Ты мог его спрятать.

– Где?

– Не знаю.

– На поле, да?

– Ну... – глазки растерянно поникли.

Спрятать поросенка мне действительно было негде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.